

УДК 911

ВЛИЯНИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ)

© 2021 г. В. А. Колосов^а, *, А. В. Кривенко^б, **

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

^бПриднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Молдавия

*e-mail: kolosov@igras.ru

**e-mail: crivenko@inbox.ru

Поступила в редакцию 24.09.2020 г.

После доработки 19.12.2020 г.

Принята к публикации 22.12.2020 г.

Быстрая депопуляция, охватившая обширные регионы стран Центральной и Восточной Европы, вызывает долгосрочные последствия не только для их социально-экономического, но и политического развития. Для непризнанных политий способность удержать население стала важным критерием успешной конкуренции с материнским государством за лояльность граждан, легитимности политических режимов и претензий на суверенитет. Цель работы — выявить влияние депопуляции на социально-экономическую ситуацию и политическую жизнь непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в сравнении с Республикой Молдова (РМ). На основе официальных статистических данных авторы сравнивают темпы, факторы и причины сокращения населения в ПМР и РМ. Показаны типичные для стран Центральной и Восточной Европы и специфические для Приднестровья и Молдовы последствия депопуляции. Оценка миграционных потерь в целом по этим территориям и по их отдельным регионам показывает, что в Приднестровье отток населения начался раньше и был более интенсивным, чем из РМ. В Молдове депопуляция усиливает кризис идентичности и противоречия между “молдовенистами” и сторонниками объединения с Румынией, в ПМР — нестабильность политической жизни, неопределенность перспектив региона и рост критического настроения к власти.

Ключевые слова: депопуляция, миграция, политические последствия, легитимность, Молдова, Приднестровье

DOI: 10.31857/S2587556621020059

ВВЕДЕНИЕ

Одна из сравнительно малоизученных областей в общественных науках — влияние демографических процессов на политику. Различия в естественном движении населения, миграция и общая динамика численности жителей, его возрастной и социальной структуры, урбанизация — нет таких демографических процессов, которые бы не воздействовали на политическую жизнь, борьбу за доступ к различным ресурсам и конфликты на разных территориальных уровнях — от глобального до отдельного поселения. Взаимосвязь между демографическими и политическими процессами всегда имеет пространственное измерение и становится все более динамичной: активизируются международные и внутренние миграции, усиливаются контрасты в динамике и составе населения между глобальным Севером и Югом, столичными регионами и периферией,

растущими агломерациями и обезлюдившей сельской местностью (Goldstone, 2011).

Политическое значение демографических процессов в последние три десятилетия особенно велико в странах Центральной и Восточной Европы, испытывающих быстрое падение численности населения, вызванное кризисом переходного периода, низкой рождаемостью, массовой эмиграцией, старением жителей и ростом смертности. Демографическая ситуация в бывших социалистических странах была значительно менее благоприятной, чем на западе Европы, уже к началу 1990-х годов (Décroly et al., 1991), но еще более усугубилась в переходный период. Так, на начало 2019 г. население Болгарии составило менее 7 млн человек — почти на 2 млн (на 28%) меньше, чем в 1988 г. (Михайлов, 2020). В Латвии в 1991 г. насчитывалось 2.7 млн жителей, а в начале 2019 г. — всего 1.9 млн (почти на 30% меньше). В Литве за

тот же период население сократилось с 3.7 до 2.9 млн (более чем на 25%). По мнению экспертов, убыль населения в странах Балтии в обозримой перспективе вряд ли прекратится (Житин, Иванова, 2017). Теряют население Румыния и Украина, уменьшается оно также, хотя и не столь значительно, в Венгрии и Сербии.

Убыль населения сильно сказывается на политической жизни, причем по-разному на общегосударственном, региональном и локальном уровнях. Существенный миграционный отток обычно связан с усилением регионального неравенства и социальных контрастов и неизбежно отражается на идентичности граждан (Рыбаковский, 2015). Демографический потенциал — один из факторов, которые могут способствовать увеличению производства, росту благосостояния граждан, экономической и социальной модернизации.

В случае непризнанных или частично признанных государств демографическая ситуация и в первую очередь их способность удержать население, обеспечив его рабочими местами, достойным уровнем доходов и общественных услуг, становится важнейшим критерием успеха претензий на независимость, во многом определяет легитимность находящихся у власти политических режимов. Непризнанные государства конкурируют за лояльность граждан в первую очередь с “материнским” государством, и динамика населения — важнейший показатель устойчивости и состоятельности их политических режимов.

Особенно заметна такая конкуренция в Молдове и Приднестровье (Приднестровской Молдавской Республике, ПМР), поскольку граница между ними открыта и в регионе сохранились в целом стабильные межэтнические отношения.

Цель настоящей статьи — выявить влияние депопуляции на социально-экономическую ситуацию, политическую жизнь и легитимность политического режима Приднестровья в сравнении с Молдовой.

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ДЕПОПУЛЯЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Современные авторы указывают на “порочные круги”, вызываемые депопуляцией. Сокращение населения, связанное обычно с закрытием предприятий и ростом безработицы, вызывает и свертывание налоговой базы, а следовательно, упадок социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, снижает привлекательность региона или города для инвесторов и ускоряет отток жителей. В том же направлении действует и сокращение спроса на товары и услуги, что также способствует снижению налогооблагаемой базы и ограниче-

нию возможностей конкурентоспособной социальной политики. Поскольку уезжают в первую очередь молодые, наиболее квалифицированные и инициативные жители, возникает структурный кризис на местном рынке труда. Это затрудняет обновление хозяйственной базы и опять-таки усугубляет негативную демографическую динамику (Smetkowski, 2013). Так, в обезлюдевшей сельской местности российского Нечерноземья длительный отрицательный социальный отбор, затяжная безработица и деградация социальной среды дополнили резкое количественное сокращение демографического потенциала качественным (Нефедова, 2012).

Одно из следствий оттока трудоспособного населения, особенно за границу, — обесценивание института семьи, размывание семейных ценностей. Отток практически всегда ведет к старению населения, частым разводам, уменьшению доли детей, понижению среднего уровня доходов и рождаемости, ускоряя кризисные демографические и экономические процессы (Гагауз, Пенина, 2010).

Старение населения к тому же обычно означает увеличение нагрузки на бюджет из-за повышенной потребности пожилых и старых лиц в социальных услугах. В то же время многие объекты социальной инфраструктуры (школы, детские сады и др.) загружены не полностью или оказываются излишними.

Регион или муниципалитет деградирует по нисходящей спирали, выбраться из которой самостоятельно, без целенаправленного и, как правило, обусловленного политическими задачами внешнего вмешательства он уже не может (Goldstone, 2011; Hudson, 2015). Негативные демографические тенденции крайне инерционны.

Депопуляция порождает также и политические “порочные круги”. Высокая доля старших возрастных групп в населении определяет консервативные политические настроения, препятствующие новым экономическим решениям. Как подчеркивает известный болгарский политолог И. Крастев, демократия имеет демографическое измерение. Быстрое изменение соотношения в численности этнических групп нарушает сложившееся разделение труда между ними, представление в разных сферах деятельности и рисунок расселения и поэтому бывает конфликтным. Ускоренное сокращение ведущей или титульной этнической группы порождает потребность в привлечении иностранных мигрантов, но быстрое повышение этнической разнородности населения увеличивает потенциал конфликтов. На локальном уровне в европейских странах складывается ситуация, когда большинство избирателей составляют пенсионеры титульной национальности, тогда как работающее население, состоящее

в основном из мигрантов, не может голосовать (Krastev, 2020).

Депопуляция всегда имеет избирательный характер и сильно зависит от географического контекста: урбанизированности территории, размера и экономического потенциала городов, близости крупного метрополитенского центра, местного рынка труда (Nivalainen, 2004). В результате растет демографическая, экономическая и политическая фрагментация территории страны или региона, сказывающаяся на этнополитических процессах. Так, в Литве на территориях, теряющих население, литовцев в 2.8 раза больше, чем представителей этнических меньшинств (Ubarevičienė, van Ham, 2016). Большая часть территории Центральной и Восточной Европы представляет собой разреженный архипелаг столиц и немногих крупных городов, куда стягивается население (Gløersen et al., 2016). В восточных регионах стран Центральной и Восточной Европы, а также вдоль основных транспортных коридоров ситуация хуже, чем в западных, имеющих лучший доступ к рынкам более развитых стран (Smetkowski, 2013). Позиционный фактор значительно сказывается также на депопуляции Центральной России, особенно Нечерноземья (Гунько, Глезер, 2015).

Главные причины обезлюдения территорий — социально-экономические. Статистическая связь между наличием и качеством рабочих мест, уровнем доходов, доступностью социальной инфраструктуры и динамикой населения в сельской местности и малых городах доказана с помощью количественных моделей (Merino, Prats, 2020; OECD..., 2019).

В условиях депопуляции и низкой рождаемости между юрисдикциями разворачивается конкуренция за сохранение “старых” и привлечение новых жителей. На это направлена и политика выравнивания доходов, и использование на региональном и местном уровнях таких инструментов, как уровень налогообложения, поиск инвесторов и создание новых привлекательных рабочих мест, улучшение инфраструктуры, рынка жилья, разнообразные меры социальной политики. Мера эффективности этой политики — волеизъявление избирателей на выборах и “голосование ногами” — переезд на другое место жительства.

В то же время некоторые авторы называют и положительные последствия депопуляции: сокращение безработицы и стоимости жилья, улучшение состояния окружающей среды (Мошняга, 2008). Определенные возможности заключаются в создании “серебряной экономики”, опирающейся на потребление пенсионеров и использование их труда (Нефедова, 2012).

В обширный ареал на юго-востоке Европы, теряющий население, входят ПМР и Молдова. В начале 1990-х годов кризис переходного периода,

типичный для бывших социалистических стран, наложился здесь на тяжелые последствия дезинтеграции народнохозяйственного комплекса бывшего СССР.

Молдавия с распадом СССР почти полностью потеряла рынок основных экспортных товаров — овощей и фруктов, вина, продукции пищевой и легкой промышленности. В связи с ограниченностью внутренних ресурсов поиск новой специализации в мировом разделении труда стал крупной проблемой, не разрешенной и до настоящего времени. Эмиграция и временный выезд на работу в другие страны стали едва ли не единственным способом выживания многих семей и важным фактором политической жизни.

На социально-экономическое развитие Приднестровья глубокое влияние оказала неопределенность политико-правового статуса. ПМР вынуждена отвлекать значительные средства на обеспечение своей безопасности. Потребители приднестровских товаров переориентировались на других поставщиков. Выросли цены на энергоносители. Резко сузился внутренний рынок.

Влияя на социальное самочувствие граждан, депопуляция, экономические трудности и психологический стресс, вызываемый отъездом родственников, друзей и знакомых, оказывают воздействие на поддержку политических режимов — легитимность непризнанных государств (Kolosov, O’Loughlin, 1999). Различают внешнюю легитимность, выражающуюся в международном признании и различных формах отношений с другими государствами, и внутреннюю. Вторую, в свою очередь, понимают двояко: как поддержку политических лидеров гражданами и как соответствие деятельности режима “нормативным” демократическим критериям. Легитимность — понятие “делимое” и “измеримое” с помощью социологических и иных методов. Степень легитимности может быть разной с точки зрения представителей различных социальных и территориальных групп населения.

Можно выделить три основных типа стратегий укрепления и завоевания внутренней легитимности правящими режимами в непризнанных государствах: во-первых, улучшение жизни граждан и демографической ситуации, развитие и модернизация систем образования и здравоохранения, других общественных услуг; во-вторых, консолидация общества, подавление возможной оппозиции перед лицом действительной или мнимой внешней угрозы; в-третьих, политические реформы и расширение социальной опоры. Опыт показывает, что фактора внешней угрозы недостаточно для поддержания внутренней легитимности режима в течение длительного времени (Стратегия..., 2018; Berg, 2012; Caspersen, 2015): политическая мобилизация граждан имеет пределы. Демо-

кратизация режима, способность выстроить эффективные политические институты служат ему главным аргументом при требовании международного признания. В настоящей работе мы рассматриваем именно внутреннюю легитимность.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГРАНИЦЫ, ИСТОЧНИКИ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

В исследовании используются официальные статистические данные Национального бюро статистики Молдовы и Государственной службы статистики ПМР, включая переписи населения. Сравнение демографических процессов в Молдове и Приднестровье и их социально-экономических и политических последствий затрудняет необходимость учета сложившихся де-факто границ между ними.

Согласно законодательству непризнанной ПМР, в состав ее территории включены все населенные пункты бывших Дубоссарского и Слободзейского районов Молдавской ССР на левом берегу Днестра. Однако некоторые из них никогда не контролировались приднестровскими властями, в том числе часть г. Дубоссары. В то же время Молдова учитывает в составе своей территории части бывшего Дубоссарского района Молдавской ССР, включающие как села под контролем Кишинёва, так и села, контролируемые ПМР. В состав Приднестровья де-юре входят не только реально находящийся под его юрисдикцией город Бендеры на правом берегу Днестра, но и пригородное село Варница, де-факто подчиняющееся молдавским властям. Поэтому начальным этапом работы стало определение численности жителей, проживавших в поселениях, принявших юрисдикцию ПМР, по переписи 1989 г. — 680,9 тыс. человек.

В Приднестровье данные Государственной службы статистики о миграционном движении населения нельзя считать полными в связи с существенным недоучетом выезжающих за пределы республики. Только для иностранцев система регистрации обязательна. Местные жители информируют паспортные службы о своем переезде за рубеж лишь в случаях, если они выезжают на работу по контракту. Широко распространены трудовые и образовательные временные миграции. Адекватный учет на границе и использование данных других стран затруднены также тем, что жители Приднестровья часто имеют кроме паспортов ПМР паспорта других государств: России, Молдовы, Украины и др. Только с 2012 г. доступны данные отдельно о внутренней (в пределах ПМР) и внешней миграции. Поэтому оценка миграционных потерь региона на основе официальных данных до этого года не может считаться корректной (Кривенко, 2014).

Оценка вклада миграционных и естественных потерь в общую убыль населения также затруднена из-за отсутствия статистической базы. Она, в частности, не позволяет рассчитывать суммарный коэффициент рождаемости. Показатель среднего числа родившихся детей на 1000 женщин старше 16 лет доступен только на годы переписей. Его нельзя назвать точным, и к тому же данные за отдельные годы не могут развернуто показать динамику демографических процессов. Не рассчитываются таблицы смертности.

По тем же причинам невозможно провести и моделирование демографических процессов и их влияния на экономику.

Источник информации о миграционных процессах в Молдове — статистические материалы Национального бюро статистики (переписи населения, специальные обследования рабочей силы и бюджетов домашних хозяйств), а также базы данных Центра государственных информационных ресурсов Registru, министерства внутренних дел и пограничной службы. Учет миграции осложнен наличием зачастую нескольких паспортов у жителей Молдовы (в первую очередь, Румынии и России), а также трудностями оценки потоков мигрантов через приднестровский участок границы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика численности населения: этапы, факторы и территориальные различия

Общая численность населения Приднестровья и Молдовы неуклонно сокращалась, что обусловлено не только высокой смертностью и эмиграцией, но и растущими диспропорциями в возрастном составе. С 1990 по 2004 г. сокращение населения ПМР составило 21,5%, с 2004 по 2015 г. — еще 14,4%; Молдовы — соответственно 6,8 и 11,4%. В абсолютном выражении демографические потери за последний межпереписной период (2004–2014 — для Молдовы и 2004–2015 для ПМР) составили в Приднестровье 80,0 тыс. человек, в Молдове — 385,1 тыс. В итоге численность населения Приднестровья сократилась с 1990 по 2015 г. с 706,3 тыс. до 475,7 тыс. человек (на 230,6 тыс., или на 32,6%), Молдовы с 1990 по 2014 г. — с 3629 тыс. до 2998 тыс. (на 631 тыс., или на 17,4%). Депопуляционные процессы отбрасывают эти территории по численности населения к 1960-м годам. Население сокращалось и после 2014–2015 гг. Появление на сайте Национального бюро статистики пересчитанных демографических данных¹ позволяет провести более адекватную оценку масштабов депопуляции в последние годы, чем на основе текущего учета. По этим данным, в 2018 г. в Молдо-

¹ Национальное бюро статистики РМ. <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=103&>

ве проживало 2682 тыс. человек. Таким образом, за 20 лет население уменьшилось на 26.6%, а в Приднестровье за этот же период — на 30.1%.

В ПМР демографическая ситуация стала ухудшаться раньше и с большей остротой, чем в Молдове. До самого конца советской эпохи население Молдавской ССР устойчиво росло как за счет превышения рождаемости над смертностью, так и за счет миграции. В республике и особенно в ее наиболее развитой части — Приднестровье — создавались новые рабочие места; выходцев из других регионов привлекали благоприятный климат, продовольственная ситуация. Однако уже в 1995 г. в ПМР была зафиксирована естественная убыль населения, а с 1996 г. ее показатель не поднимался выше -3% . Относительно высокая рождаемость, наблюдавшаяся в 1980-х годах, резко упала. Еще в 1990 г. общий коэффициент рождаемости превышал 17% , но уже к 1993 г. стал менее 12% , а в первой половине 2000-х годов опустился до $7-8\%$. В этот период отказ от деторождения усугублялся снижением в общей численности населения доли женщин в репродуктивном возрасте. В последующие годы показатели рождаемости стабилизировались на низком уровне: от 8 до 10% .

На их повышение в обозримой перспективе рассчитывать не приходится, даже если будет начата активная пронаталистская политика, что объясняется типичными для европейских стран изменениями в репродуктивном поведении семей. Наблюдается тенденция снижения числа рождений у молодых матерей до 20 лет и увеличения среднего возраста матерей до 24–26 лет.

Параллельно с падением рождаемости общий коэффициент смертности увеличился с 10 до $14-15\%$ — до наивысших показателей в мире. Причина — в прогрессирующем старении населения при относительно невысокой по европейским меркам продолжительности жизни: около 69 лет для мужчин и 77 лет для женщин.

В Молдове слабый естественный прирост наблюдался до 1998 г. ($0.4-0.8\%$). Естественная убыль началась лишь с 1999 г., причем в 2011–2016 гг. отмечался период некоторой стабилизации, когда естественная убыль составляла всего $-0.1-0.3\%$. Сумма естественных потерь в межпереписной период (2004–2014 — для Молдовы и 2004–2015 для ПМР) в Приднестровье заметно больше — 31.8 тыс. (5.7% к численности населения по переписи 2004 г.) против 29.7 тыс. (0.9% к численности населения по переписи 2004 г.) в Молдове. Тем не менее и там рождаемость резко снизилась: с 17.7% в 1990 г. до 9.2% в 2018 г.

Один из основных факторов, повлиявших на разницу в остроте демографического кризиса между Молдовой и Приднестровьем, — большие различия в уровне урбанизации между правым и левым берегами Днестра (соответственно 38.2 и

70%). Молдова по-прежнему остается наименее урбанизированной страной Европы, где сельское население отличают более высокие показатели рождаемости, что позволяет существенно сглаживать остроту демографического кризиса. Среди других факторов — более молодая возрастная структура населения и, предположительно, в последние годы более высокие темпы миграционного оттока из Приднестровья. При сопоставимом уровне показателей естественного движения именно отток населения определяет менее благоприятную динамику населения ПМР.

В связи с отсутствием надежных данных о миграционных потоках в Молдове и Приднестровье сравнивать масштабы оттока жителей непросто. Обе территории страдают от постоянной массовой трудовой миграции, вымывающей население в трудоспособном и репродуктивном возрастах. С 1994 г. число выезжающих заметно больше, чем въезжающих. В 2017–2019 гг. впервые за долгие годы зафиксировано положительное сальдо миграционного баланса. Однако к официальным данным о миграции следует относиться с осторожностью.

В межпереписной период с 2004 по 2014 г. миграционный отток из Молдовы был активнее, чем из ПМР, однако в последние годы процессы миграции трудоспособного населения из Приднестровья ускорились. Проведенный расчет миграционных потерь (табл. 1), накопленных в межпереписные периоды, позволяет увидеть, что доля населения, утраченного Молдовой в результате миграции (13% от показателя 2004 г.), в 1.5 раза выше, чем в Приднестровье (8.7%).

О масштабах миграционных потерь косвенно свидетельствуют сведения о временно отсутствующем населении, полученные в ходе переписей (табл. 2). В Приднестровье увеличение его доли в 2004–2015 гг. было выше, чем в Молдове (2004–2014): соответственно с 6.5 до 14.8% и с 7.0 до 11.3% .

Около четверти экономически активного населения ПМР временно работает за рубежом, в том числе $75-80\%$ — в России. Ее привлекательность связана с практическим отсутствием языковых и культурных барьеров, наличием родственников и знакомых в российских городах, приобретением почти 200 тыс. жителей ПМР российского гражданства. Преподавание в средних школах и в Приднестровском государственном университете ведется по российским программам, и в России признают приднестровские аттестаты и дипломы.

До украинского кризиса 2013 г. в Россию направлялись и большинство мигрантов из Молдовы (63%), но к 2019 г. их доля уменьшилась примерно до 40% . Причины — введение в России патентов для иностранных граждан, прибывающих на безвизовой основе, и более жесткий контроль

Таблица 1. Оценка миграционных потерь Молдовы и Приднестровья в 2004–2014/2015 гг.

Показатель	Молдова	Приднестровье
Численность населения по результатам переписей 2004 г., тыс. чел.	3383.3	555.5
Численность населения по результатам переписи 2014 г. (для Молдовы) и 2015 г. (для ПМР), тыс. чел.	2913.3	475.5
Сокращение населения в период между переписями 2004 и 2014/2015 гг., тыс. чел., в том числе:	470.0	80.0
за счет естественной убыли, тыс. чел.	29.7	31.8
за счет миграционного оттока, тыс. чел.	440.3	48.2
Миграционная убыль в % к численности населения на начало периода	13.0	8.7

Таблица 2. Численность и доля временно отсутствующего населения Молдовы и Приднестровья в 2004–2014/2015 гг.

Показатель	Молдова	Приднестровье
Численность населения по результатам переписей 2004 г., тыс. чел.	3383.3	555.5
Численность временно отсутствующего населения в период переписей 2004 г., тыс. чел.	273.1	36.3
Доля временно отсутствующего населения в общей численности населения в период переписей 2004 г., %	7.0	6.5
Численность населения по результатам переписи, 2014 г. (для Молдовы) и 2015 г. (для ПМР), тыс. чел.	2913.3	475.5
Численность временно отсутствующего населения в период переписей 2014 г. (для Молдовы) и 2015 г. (для ПМР), тыс. чел.	329.1	70.6
Доля временно отсутствующего населения в общей численности в период переписей 2014 г. (для Молдовы) и 2015 г. (для ПМР), %	11.3	14.8

за соблюдением правил пребывания и работы, падение курса рубля, а также предоставление Евросоюзом безвизового режима для граждан Молдовы. Традиционные направления их эмиграции – страны ЕС (Италия, ФРГ, Греция, Румыния, Испания и др.), а также Израиль, Турция, США.

Влияние депопуляции на социально-экономическую ситуацию и политические процессы

Депопуляция вызвала в Молдове и Приднестровье серьезные социально-экономические и политические последствия. Для стран Центральной и Восточной Европы, теряющих население, наиболее типичны из них следующие.

Деформация половозрастной структуры. Среди мигрантов преобладают молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет. В ПМР у мужчин этот показатель за последние годы составляет около 42–43%, у женщин – 38–45%. Отток высококвалифицированной, молодой и активной части населения усиливает диспропорции в половозрастном составе населения и, как следствие, структуре и качестве трудовых ресурсов. Отъезд на заработки обоих родителей – одна из причин “социального сиротства”. Оставаясь на попечении старшего поколения, дети не получают должного ухода, что

оставляет глубокий след в их психологии. Для обоих берегов Днестра характерна “утечка умов”, которой способствуют квотирование мест в вузах России и Украины для выпускников общеобразовательных учреждений ПМР и в Румынии – для молдавской молодежи (на порядок больше, чем в российских и украинских вузах). Постепенно обустроивая свою жизнь в принимающей стране, в 2012–2018 гг. мигранты стали несколько чаще вывозить за границу своих детей, доля которых среди отъезжающих возросла с 12.5 до 15.3%.

Переписи демонстрируют существенное увеличение в населении доли лиц в возрасте 60 лет и старше. В ПМР к 2015 г. по сравнению с переписью населения 2004 г. удельный вес группы населения моложе трудоспособного возраста уменьшился на 3 п. п. (с 17.3 до 14.3%), а трудоспособного населения – почти на 5 п. п. (с 62.8 до 57.9%).

Старение населения приводит к увеличению коэффициента зависимости, отражающего соотношение численности пенсионеров и лиц в трудоспособном возрасте и особенно – числа пенсионеров на 1000 занятых (с 577 в 1996 г. до 891 в 2018 г.). В последние годы наблюдался массовый переход пенсионеров на российское пенсионное обеспечение (при этом они лишаются права на приднестровскую или молдавскую пенсию). Дополни-

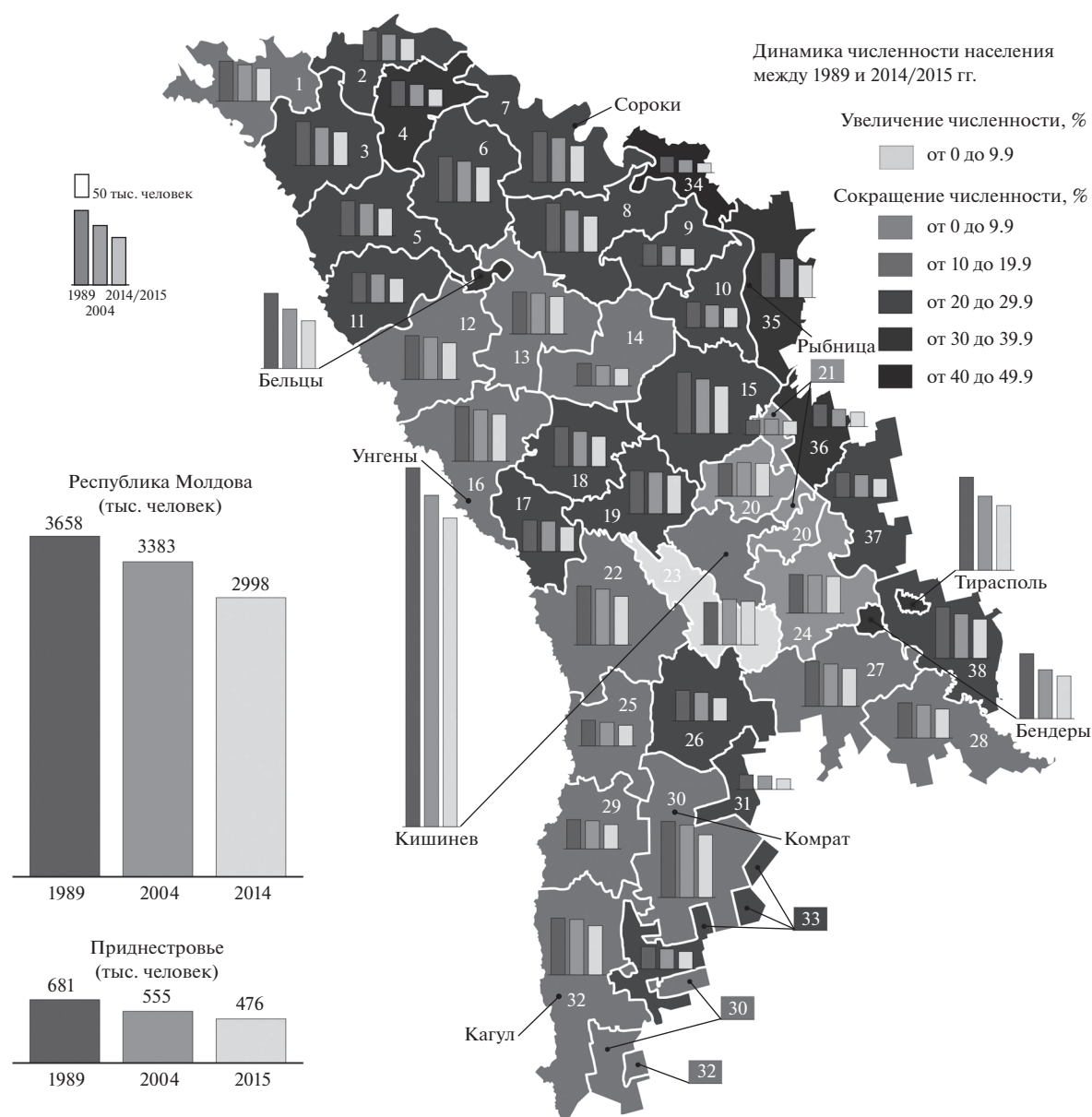

Рис. 1. Динамика численности населения по административно-территориальным единицам Республики Молдова и Приднестровья в 1989–2014/2015 гг. Районы: 1. Бричанский, 2. Окницкий, 3. Единецкий, 4. Дондюшанский, 5. Рышканский, 6. Дрокиевский, 7. Сорокский, 8. Флорештский, 9. Шолданештский, 10. Резинский, 11. Глодянский, 12. Фалештский, 13. Сынжерейский, 14. Теленештский, 15. Оргеевский, 16. Унгенский, 17. Ниспоренский, 18. Каларашский, 19. Страшенский, 20. Криулянский, 21. Дубоссарский (РМ), 22. Хынчештский, 23. Яловенский, 24. Новоаненский, 25. Леовский, 26. Чимишлийский, 27. Каушанский, 28. Штефан-Водский, 29. Кантемирский, 30. Автономное территориальное образование Гагаузия, 31. Бессарабский, 32. Кагульский, 33. Тараклийский, 34. Каменский, 35. Рыбницкий, 36. Дубоссарский (ПМР), 37. Григориопольский, 38. Слободзейский.

тельную демографическую нагрузку на занятых в материальном производстве оказывают занятые в силовых структурах ПМР, численность которых не учитывалась при расчетах (Бурла, 2019).

Обезлюдение сельской местности и подрыв агропотенциала. Как и в других странах, депопуляция вызвала в Молдове и ПМР резкий рост концентрации населения в столицах и основных городах. В ПМР после распада СССР население сократи-

лось во всех районах и поселениях. Особенно сильно пострадал север республики – Каменский район. Сильно уменьшилось также число жителей Григориопольского и Дубоссарского районов (рис. 1).

В сельской местности из-за деформации половозрастной структуры отток населения обладает кумулятивным эффектом, обрекая многие поселения на исчезновение. В 4 селах ПМР жителей

нет вовсе, в 12 осталось менее 25 человек (Бурла, 2019). С депопуляцией связана деградация производственной и социальной инфраструктуры, усиление кризиса агрокомплекса — некогда одной из отраслей специализации Приднестровья. Парадоксальным образом регион с исключительно благоприятными агроклиматическими условиями импортирует больше продовольствия, чем вывозит. Внешнеторговый баланс сводится со значительным дефицитом. Как ныне и в Молдове, преобладает производство малотрудоемких культур с низкой добавленной стоимостью. Доля зерновых в посевных площадях составляет 55–60%, технических культур — 35–40%, тогда как доля садов и виноградников пренебрежимо мала².

Специфика процессов депопуляции в ПМР и Молдове связана с политэтническим составом населения, сложной историей его формирования и неравномерным распределением по территории разных этнических групп, но особенно с современным геополитическим положением, явной и скрытой конкуренцией между Кишинёвом и Тирасполем за лояльность граждан.

Во-первых, на этой конкуренции сказывается растущая разнонаправленность внешних миграций. Так, во время избирательной кампании по выборам парламента Молдавии в 2014 г. Партия социалистов, позиционирующая себя как про-российская политическая сила, объявила о договоренности с ФМС России об амнистии молдавских мигрантов. Предполагалось, что молдавские мигранты, нарушившие российское миграционное законодательство, могли проголосовать на родине и беспрепятственно вернуться в Россию. Опасаясь голосования этих мигрантов за Партию социалистов, “роевропейские” партии интерпретировали эту договоренность как вмешательство России в политическую жизнь Молдовы. ЦИК Молдовы открыл в России для молдавских граждан только три избирательных участка. В этом факте нашла отражение ассоциация мигрантов, находящихся в западных странах и в России, с определенными политическими предпочтениями (Макухин, 2015).

Депопуляция сельской местности и, в частности, севера ПМР имеет и этнополитический аспект. Часть республики, расположенная севернее р. Ягорлык, особенно быстро теряющая население, ранее входила в состав Речи Посполитой, и значимую часть ее населения составляют украинцы.

Во-вторых, миграция — зеркало экономической конкуренции между правым и левым берега-

ми Днестра. В советское время Приднестровье было одним из самых развитых регионов Молдавии: в 1989 г. там проживало 17% населения, но производилось около 35% ВВП, 56% товаров народного потребления, треть сельскохозяйственной продукции, почти вся электроэнергия (Колосов, Заяц, 2001). Здесь располагалось много уникальных промышленных предприятий, в том числе военно-промышленного комплекса. До сих пор одним из основных источников доходов ПМР остается металлургический завод в Рыбнице, построенный в 1984 г. с использованием наиболее современных в то время технологий. Поэтому и доходы населения в Приднестровье наряду с Кишинёвом были самыми высокими в Молдавии.

Однако в IV квартале 2019 г., согласно данным Национального бюро статистики Молдовы, средняя зарплата составила по курсу Национального банка 402 долл.³, а в Приднестровье в тот же период — 322 долл. по курсу Приднестровского республиканского банка ПМР⁴, т.е. около 80% от молдавской. Реально она может быть сопоставима с молдавской, так как силовые структуры Приднестровья, доля которых в общей структуре занятости значительно выше, чем в Молдове, данных об оплате труда своих сотрудников не предоставляют. При этом на обоих берегах Днестра, но особенно в Молдове, растут социальные и территориальные различия в уровне доходов на душу населения. Так, не случайно в ПМР самый низкий уровень зарплаты отмечен в районах с наиболее интенсивным оттоком населения — Слободзейском и Григориопольском (в 2018 г. доля работников с зарплатой менее 3000 рублей, т.е. примерно 12.6 тыс. российских рублей, составляла соответственно 63 и 66%), а также Каменском (44%), Рыбницком (41%) и Дубоссарском (42%). Таким образом, произошло выравнивание на низком уровне жизни в ПМР и Молдове; Приднестровье утратило былое преимущество.

Однако на нынешнем этапе конкуренции за лояльность граждан между ПМР и Молдовой выигравшей стороны нет. Молдова — беднейшее государство Европы: в 2018 г., по данным МВФ, ВВП страны на душу населения по паритету покупательной способности составил лишь 7664 долл.; для сравнения, на Украине — 9817, Румынии — 28211, России — 30512. Прямой связи между состоянием

³ Средняя оплата труда в IV квартале 2019 года. Национальное Бюро статистики Республики Молдова. <https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=6597>

⁴ Пресс-выпуск “О заработной плате в Приднестровской Молдавской Республике” за декабрь 2019 г. (без субъектов малого предпринимательства). Государственная служба статистики ПМР. <http://mer.gospmr.org/gosudarstvennaya-sluzhba-statistiki/informacziya/o-zarabotnoj-plate-v-pmr/p-re-s-s-v-y-p-u-s-k-o-zarabotnoj-plate-v-pridnestrovskoj-moldavskoj-respublike-za-dekabr-2019-g.-bez-subektov-malogo-predprinimatelstva.html>

² Отчет о научно-исследовательской работе НИЛ “Региональные исследования”. Оптимизация территориальной организации хозяйства Приднестровья как фактор обеспечения устойчивого развития республики. Этап II. Модель устойчивого развития Приднестровья. Приднестровский государственный университет. Тирасполь, 2018. 99 с.

экономики и самосознанием нет, однако такое положение ввиду многонационального состава населения оказывает влияние на проблемы идентичности.

В Молдове меняется соотношение между “молдовенистами” и “унионистами” — теми, кто считает молдаван и румын разными, хотя и родственными народами, и выступает за сохранение молдавского государства, и теми, кто полагает их единым народом и поддерживает идею объединения или на практике — поглощения Румынией Молдавии. На восприятии соседнего государства, безусловно, сказывается тот факт, что средний размер пенсии в Румынии в 6 раз, а зарплаты — в 3–4 раза — выше. Оценить влияние унионистов можно, во-первых, на основе опросов, во-вторых, судя по доле граждан, идентифицировавших себя как румыны при переписи населения, в-третьих, по доле избирателей, проголосовавших за партии, откровенно проповедующие идею “уни-ри” (объединения), в-четвертых, по доле тех, кто определяет свой язык как румынский, а не молдавский (Кириллов, Путинцев, 2018). При переписи 2004 г. румынскую национальность указали 2.2% граждан, 2014 г. — 7.0%. Однако, по данным социологического исследования, проведенного компанией IMAS, идеи унионизма поддерживают 34% опрошенных. В 2018 г. 24% опрошенных прямо высказались за объединение с Румынией. Число граждан Молдовы, имеющих также гражданство Румынии, пусть зачастую и по прагматическим соображениям, оценивается не менее чем в 400 тыс.⁵

В ПМР, сложившейся на основе уникальной региональной идентичности (Бабилунга, 2000; Колосов, Заяц, 2001), массовый отток населения и неблагоприятное экономическое положение отражаются в нестабильности политической жизни и неопределенности перспектив республики. После смены власти на Украине в 2014 г. геополитическое положение Приднестровья значительно ухудшилось, поскольку Киев солидаризировался с позицией Кишинёва. ПМР оказалась отрезанной от своего главного внешнего спонсора — России. Затруднено сообщение с отстоящей всего в 100 км от Тирасполя миллионной Одессой с ее морскими портами и емким рынком. ПМР не может занимать средства у международных организаций, из-за чего значительная часть основных фондов устарела морально и физически. Приднестровские производители вынуждены дважды проходить таможенное оформление — в ПМР и Молдове, запрашивать в Кишинёве необходимые для экспорта сертификаты, зачастую направлять свои товары на экспорт кружным путем, что удо-

рожает продукцию. Тирасполь не может использовать международные системы преференций во внешней торговле, не располагает механизмами защиты интересов резидентов. Приднестровские предприятия не имеют возможности открывать корреспондентские счета в зарубежных банках.

Такое положение вызвало кризисные явления в экономике и во всем приднестровском социуме. В их числе — крайняя неустойчивость макроэкономических показателей, дефицит государственного бюджета, колебавшийся в 2010-х годах от 20 до 40% его расходов, внешний долг, в несколько раз превышающий ВВП. Доля материального производства в структуре добавленной стоимости сократилась с 60–64% в 1990-е годы до 30–35% в 2010–2017 гг., а численность занятых в нем — с 168 тыс. до 38 тыс. человек (с 61.4 до 29.0%). Важнейшей сферой хозяйства остается промышленность, однако ее вклад в ВВП уменьшился с 64% в 1996 г. до 31% в 2017. В ней преобладают отрасли с невысокой добавленной стоимостью, для которых в регионе нет конкурентных преимуществ: черная металлургия, тепловая электроэнергетика, текстильная промышленность. Структура хозяйства и экспорта упростилась, потеряно производство ряда видов продукции. Слабое развитие малого и среднего бизнеса и зависимость крупных предприятий от внешних поставок и рынков сбыта в сложных геополитических условиях приводят к тому, что 60–70% промышленного производства находится в зоне повышенного риска, в том числе некоторые крупные предприятия — главные источники валютных и налоговых поступлений — например, Молдавский металлургический завод в Рыбнице. Его вклад в экспорт ПМР колебался в прошлом десятилетии от 16 до 65% (в 2017 г. — 37%)⁶.

В Молдове действует Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности (2011–2025 гг.)⁷, в которой отмечается, что для смягчения последствий миграционных потерь населения нужен комплексный подход, сопряженный с решением экономических проблем. Специалисты Всемирного банка справедливо полагают, что политика поощрения рождаемости в отсутствие достаточных инвестиций в человеческий капитал и мер поощрения активного долголетия в условиях стареющего населения

⁵ В Молдове растут унионистские настроения. 24 декабря 2019 г. <https://novostipmr.com/ru/news/19-12-23/v-moldove-unionistskie-nastroeniya-rastut>

⁶ Отчет о научно-исследовательской работе НИЛ “Региональные исследования”. Оптимизация территориальной организации хозяйства Приднестровья как фактор обеспечения устойчивого развития республики. Этап II. Модель устойчивого развития Приднестровья. Приднестровский государственный университет. Тирасполь, 2018. 99 с.

⁷ Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025 гг.) https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=33219&lang=ru

не приносит ожидаемого эффекта⁸. Эти выводы можно с полным основанием отнести и к ПМР.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Взаимодействуя с экономическими факторами, депопуляция оказывает непосредственное влияние на атмосферу в обществе и политическую ситуацию. Как в Молдове, так и в ПМР ощущается рост критического настроения по отношению к власти. Так, за пять лет президентства Е. Шевчука (2011–2016), осужденного за коррупцию и бежавшего из ПМР, уровень доверия ему снизился с 74 до 27%. Согласно исследованию Тираспольской школы политических исследований, недоверие действующей власти в феврале 2019 г. высказали 65% приднестровцев – на 15 п. п. больше, чем в июне 2018 г. Одну из причин этого видят в бессменном руководстве страной одной политической силы – партии “Обновление”, тесно связанной с контролирующей значительную часть экономики ПМР корпорацией “Шериф” и практически не имеющей конкурентов, а также в ошибках политических лидеров (Дирун, 2019). Проблема депопуляции также оказывает влияние на легитимность политического режима. Власти не имеют законных оснований исключать из электоральных списков мигрантов, так как выбывшие избиратели зачастую не снимаются с административного учета. Из-за этого возникают различия между списочным и реальным числом избирателей. Так, в Бендерах, где самая высокая в регионе доля временно отсутствующего населения, в ходе довыборов в парламент республики на одном из участков в голосовании приняло участие менее 25% избирателей. Подобные случаи побудили власти исключить из законодательства норму о 25-процентной явке избирателей, необходимой для признания выборов состоявшимися, что явно не увеличит их легитимность в глазах граждан.

Молдавский политический дискурс отражает растущий раскол между гражданами по вопросам геополитической ориентации и даже суверенитета – самого существования страны (Бардин, Баринков, 2018). Даже граждане с молдавской этнической идентичностью не только приобретают румынское гражданство, но и все чаще выступают за ту или иную форму объединения с Румынией, открывающего перспективы повышения уровня жизни.

Кардинальное изменение демографической ситуации возможно лишь в случае реализации эффективной программы социально-экономиче-

ского развития, предполагающей создание достойных и привлекательных рабочих мест, обеспечивающей карьерный рост, доступное жилье и качественную среду обитания. Рост деловой активности может произойти при условии роста объемов инвестиций, в том числе внешних. Руководство ПМР прилагает усилия по созданию в республике привлекательных правовых и институциональных основ для иностранных инвесторов, поскольку главные факторы успешного развития ряда регионов стран Центральной и Восточной Европы обычно экзогенные (Стратегия..., 2018).

Важнейший аттрактор инвестиций – наличие, стоимость и квалификация рабочей силы. Приднестровье еще обладает существенными ресурсами сравнительно квалифицированной и недорогой рабочей силы, но рискует в скором времени лишиться этого козыря, постепенно растеряв бывшее преимущество перед остальной частью Молдовы в уровне жизни и сохраняя высокие темпы оттока населения. В настоящее время ПМР находится примерно в равных условиях со своим материнским государством, имея перед ним некоторое преимущество в доступности и обеспеченности общественными услугами⁹, но уже начинает проигрывать по среднему уровню зарплаты. Депопуляция наряду с интенсивными внешними миграциями подрывает внутреннюю легитимность политических режимов ПМР и Республики Молдова, поскольку обесценивает усилия государства по развитию социальной инфраструктуры, способствует социальному расслоению, создает демонстрационный эффект путем вольного или невольного сравнения гражданами условий жизни у себя и в странах, принимающих мигрантов.

В нынешних внутривнутриполитических и геополитических условиях ни в ПМР, фактически находящейся в состоянии блокады, ни в Молдове, общество которой искусственно поставлено перед альтернативой выбора между сотрудничеством с Россией и другими странами ЕАЭС и курсом на европейскую интеграцию, не просматриваются условия для укрепления легитимности путем модернизации политических режимов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-17-00232 “Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России”.

FUNDING

The work was financially supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-17-00232 “Post-Soviet

⁸ Есть 3 сценария прогнозов, все они пессимистичны. 21 февраля 2020. <https://point.md/ru/novosti/obschestvo/depopulatsiia-v-moldove-est-3-stsenarii-prognozov-vse-oni-pessimistichny>

⁹ Оценка потенциала устойчивого развития малых городов долины р. Днестр. Аналитический отчет, выполненный в рамках проекта ПроООН. Кишинев, 2017. 72 с.

Non-Recognized States: Factors of Viability and Risks for Russia.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабилунга Н.В.* Приднестровский конфликт: источники, характер, особенности // Феномен Приднестровья. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т, 2000. С. 123–186.
- Бардин А.Л., Баринев И.И.* Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии) // Полит. Политические исследования. 2018. № 6. С. 99–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.07>
- Бурла О.Н.* Современная демографическая ситуация в ПМР, ее экономические и социальные последствия // Прикладной потенциал социально-экономической географии. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2019. С. 237–245.
- Гагауз О.Е., Пенина О.А.* Демографические перспективы Молдовы // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / отв. ред. Г.А. Палади, Л.П. Шахотко, О.Е. Гагауз. Кишинев: Штиница, 2010. С. 33–39.
- Гулько М.С., Глезер О.Б.* Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76.
- Дирун А.В.* Приднестровье: от российского форпоста до еврорегиона? 27 марта 2019 г. <http://edinstvo-pmr.ru/news/1029-pridnestrovo-ot-rossiyskogo-forposta-do-evroregiona.html?fbclid=IwAR0DaLWpHf-pksZviO9zld7cclNI-VQdejiEiKZLr-34rXkqi-hb9emUhqVzg>
- Житин Д.В., Иванова А.А.* Демографическое развитие стран Балтии / Научн. докл. Рос. ассоц. прибалт. иссл. Сер. 2. Социально-экономическое развитие. Вып. 3. М.: Русская книга, 2017. 112 с.
- Кривенко А.* Молдова: страна массовой трудовой эмиграции // Демоскоп Weekly. № 605–606. 1–24 августа 2014. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php>
- Кириллов В., Путинцев И.* Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма // Современная Европа. 2018. № 3. С. 37–48.
- Колосов В.А., Заяц Д.В.* Молдова и Приднестровье: национальное строительство, идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестн. Евразии (Институт востоковедения РАН). 2001. № 1. С. 88–122.
- Макухин А.В.* Современная миграционная ситуация в Республике Молдова и Приднестровье как череда “исходов” населения // PolitBook. 2015. № 1. С. 69–82.
- Михайлов В.* Этнические и региональные измерения демографического кризиса: Болгарский национальный дискурс // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 6. С. 832–843.
- Мошняга В.Г.* Молдавия в системе международных миграций // Демоскоп Weekly. № 355–356. 1–14 декабря 2008. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema05.php>
- Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 5–21.
- Рыбаковский Л.Л.* Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
- Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы. 2018. <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html>
- Berg E.* Parent States versus Secessionist Entities: Measuring Political Legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia & Hercegovina // Europe-Asia Stud. 2012. № 7(64). P. 1271–1296.
- Caspersen N.* Degrees of legitimacy: Ensuring internal and external support in the absence of recognition // Geoforum. 2015. V. 66. P. 184–192.
- Décroly J.-M., Vanlaer J., Grimmeau J.-P., Roelandts M., Vandermotten C.* Atlas de la population européenne. Bruxelles: Éditions de l'Université de Bruxelles, 1991. 172 p.
- Gloersen E., Drăgulin M., Hans S., Kaucic J., Schuh B., Keringer F., Celotti P.* The impact of demographic change on European regions. Brussels: European Union, Committee of the Regions, 2016. 139 p.
- Goldstone J.A.* A Theory of Political Demography: Human and Institutional Reproduction // Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics / Goldstone J.A., Kaufmann E.P., Duffy Toft M. (Eds.). NY: Oxford Univ. Press, 2011. P. 12–36.
- Hudson R.* Uneven Development, Socio-Spatial Polarization and Political Responses // Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond / Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (Eds.). London: Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 25–39.
- Kolosov V., O'Loughlin J.* Nation-Building and Territorial Separatism // Geopolitics. 1999. № 3. P. 251–266.
- Krastev I.* Depopulation is Eastern Europe's biggest problem. There is a connection between the twin crises of democracy and demography // Financial Times. January 27, 2020. 132. <https://www.ft.com/content/c5d3e0ae-36eb-11ea-ac3c-f68c10993b04>
- Merino F., Prats M.A.* Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments // Cities. 2020. V. 97. P. 1–13.
- Nivalainen S.* Determinants of family migration: short moves vs. long moves // J. Population Economics. 2004. № 1(17). P. 157–175.
- OECD Regional Outlook 2019: Leveraging Megatrends for Cities and Rural Areas. Paris: OECD Publishing, 2019. <https://doi.org/10.1787/9789264312838-en>
- Smetkowski M.* Regional Disparities in Central and Eastern European Countries: Trends, Drivers and Prospects // Europe-Asia Stud. 2013. № 8(65). P. 1529–1554.
- Ubarevičienė R., van Ham M.* Population Decline in Lithuania: Who Lives in Declining Regions and Who Leaves? / Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn. Discussion Paper № 10160. August 2016. 22 p.

Depopulation Impact on Political Life and Legitimacy of Unrecognized States (Case of Transnistria)

V. A. Kolosov^{1,*} and A. V. Crivenco^{2,**}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*T.G. Shevchenko Transnistrian State University, Tiraspol, Moldova*

*e-mail: kolosov@igras.ru

**e-mail: crivenco@inbox.ru

Rapid depopulation, which affected vast regions of Central and Eastern Europe, has long-term consequences not only for their socioeconomic, but also political development. For the unrecognized polities, the ability to retain the population has become an important criterion for successfully competing with the parent states for the loyalty of citizens, the legitimacy of political regimes and claims to sovereignty. The objective of the paper is to consider the impact of depopulation on the socioeconomic situation and political life of the unrecognized Pridnestrovian Moldavian Republic (Transnistria, PMR) in comparison with the Republic of Moldova (RM). On the basis of official statistics, the authors compare the rates, factors and reasons for the population decrease in the PMR and RM. Shown are the consequences of depopulation typical for the countries of Central and Eastern Europe and specific for Transnistria and Moldova. The assessment of migration losses in general for these territories and for their regions demonstrates that the population outflow in Transnistria began earlier and was more intensive than from the RM. In Moldova, depopulation intensifies the identity crisis and contradictions between the “Moldovenists” and supporters of unification with Romania, in the PMR—instability of political life, uncertainty of the region’s prospects and the growth of a critical attitude towards the authorities.

Keywords: depopulation, migrations, political impact, legitimacy, Moldova, Transnistria

REFERENCES

- Babilunga N.V. Transnistrian conflict: Sources, nature, features. In *Fenomen Pridnestov'ya* [The Phenomenon of Transnistria]. Tiraspol: Pridnestrovskii Gos. Univ., 2000, pp. 123–186. (In Russ.).
- Bardin A.L., Barinov I.I. Problems of national development and consolidation of political spaces (on the example of Moldova and Romania). *Polis. Politicheskie Issled.*, 2018, no. 6, pp. 99–111. (In Russ.).
- Berg E. Parent states versus secessionist entities: measuring political legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia & Herzegovina. *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, no. 7, pp. 1271–1296.
- Burla O.N. Current demographic situation in the PMR, its economic and social consequences. In *Prikladnoi potentsial sotsial'no-ekonomicheskoi geografii* [Applied Potential of Socioeconomic Geography]. Tiraspol: Pridnestrovskii Univ., 2019, pp. 237–245. (In Russ.).
- Caspersen N. Degrees of legitimacy: Ensuring internal and external support in the absence of recognition. *Geoforum*, 2015, vol. 66, pp. 184–192.
- Crivenco A. Moldova: a country of mass labor emigration. *Demoskop Weekly*, 2014, nos. 605–606. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/anal-it05.php> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
- Décroly J.-M., Vanlaer J., Grimmeau J.-P., Roelandts M., Vandermotten C. *Atlas de la population européenne*. Bruxelles: Éditions de l'Université de Bruxelles, 1991. 172 p.
- Dirun A.V. Transnistria: from a Russian outpost to a Euroregion? *Narodnoe Edinstvo*, 27 March 2019. Available at: <http://edinstvopmr.ru/news/1029-pridnestro-ve-ot-rossiyskogo-forposta-do-evroregiona.html?fbclid=IwAR0DaLWpHfpksZviO9zlD7cclNI-VQdejIEiKZLr-34rXkqihb9emUhqVzg> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
- Gagauz O.E., Penina O.A. Demographic perspectives of Moldova. In *Osnovnye vyzovy demograficheskoi bezopasnosti: skhodstva i razlichiya v Moldove i Belarusi* [Main Challenges to Demographic Security: Similarities and Differences in Moldova and Belarus].
- Gløersen E., Drăgulin M., Hans S., Kaucic J., Schuh B., Keringer F., Celotti P. *The Impact of Demographic Change on European Regions*. Brussels: European Union, Committee of the Regions, 2016. 139 p.
- Goldstone J.A. A theory of political demography: Human and institutional reproduction. In *Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics*. Goldstone J.A., Kaufmann E.P., Toft M.D., Eds. New York: Oxford Univ. Press. 2011, pp. 12–36.
- Gunko M.S., Glezer O.B. Small district centers and the surrounding areas in Central Russia (1970–2010): Dynamics and distribution of population. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.). doi 10.15356/0373-2444-2015-1-64-76
- Hudson R. Uneven development, socio-spatial polarization and political responses. In *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K., Eds. London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 25–39.
- Kirillov V., Putintsev I. Influence of Romania in Moldova: forms and evolution of unionism. *Sovr. Evropa*, 2018, no. 3, pp. 37–48. (In Russ.).
- Kolosov V., O'Loughlin J. Nation-building and territorial separatism. *Geopolitics*, 1999, no. 3, pp. 251–266.

- Kolosov V.A., Zayats D.V. Moldova and Transnistria: Nation-building, identities, prospects for conflict resolution. *Vestn. Evrazii (Inst. Vostokovedeniya RAN)*, 2001, no. 1, pp. 88–122. (In Russ.).
- Krastev I. Depopulation is eastern Europe's biggest problem. There is a connection between the twin crises of democracy and demography. *Financial Times*, 2020, January 27. Available at: <https://www.ft.com/content/c5d3e0ae-36eb-11ea-ac3c-f68c10993b04> (accessed: 10.01.2021).
- Makukhin A.V. The current migration situation in the Republic of Moldova and Transnistria as a series of “exoduses” of the population. *PolitBook*, 2015, no. 1, pp. 69–82. (In Russ.).
- Merino F., Prats M.A. Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments. *Cities*, 2020, vol. 97, 102506. doi 10.1016/j.cities.2019.102506
- Mihaylov V.T. Ethnic and regional dimensions of the demographic crisis in Bulgaria. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2020, vol. 84, no. 6, pp. 832–843. (In Russ.).
- Moshnyaga V.G. Moldova in the system of international migrations. *Demoskop Weekly*, 2008, nos. 355–356. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema05.php> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
- Nefedova T.G. Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 41–54. doi 10.1134/S2079970512010078
- Nivalainen S. Determinants of family migration: short moves vs. long moves. *J. Popul. Econ.*, 2004, vol. 17, no. 1, pp. 157–175.
- OECD Regional Outlook 2019: Leveraging Megatrends for Cities and Rural Areas. Paris: OECD, 2019. 240 p. doi 10.1787/9789264312838-en
- Paladi G.A., Shakhot'ko L.P., Gagauz O.E., Eds. Kishinev: Știința Publ., 2010, pp. 33–39. (In Russ.).
- Rybakovskiy L.L. Depopulation and its ethnic aspects in Russia. *Sotsiol. Issled.*, 2015, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
- Smetkowski M. Regional disparities in Central and Eastern European countries: trends, drivers and prospects. *Europe-Asia Studies*, 2013, vol. 65, no. 8, pp. 1529–1554.
- Strategy of the Development of the Transnistrian Moldavian Republic for 2019–2026. Available at: <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
- Ubarevičienė R., van Ham M. Population decline in Lithuania: who lives in declining regions and who leaves? *Reg. Stud., Reg. Sci.*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 57–79.
- Zhitin D.V., Ivanova A.A. *Demograficheskoe razvitie stran Baltii* [Demographic Development of the Baltic Countries]. Moscow: Russ. Kniga Publ., 2017. 112 p.